

In Umbra
ДЕМОНОЛОГИЯ
КАК СЕМИОТИЧЕСКАЯ
СИСТЕМА

Альманах
№ 8

Москва
2019

УДК 2-167.62(08)

ББК 86я43

2 I 35

Редколлегия:

*Д.И. Антонов, А.С. Архипова, Е.Е. Левкиевская,
С.Ю. Неклюдов, О.Б. Христофорова*

Ответственные редакторы и составители:

Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова

© Антонов Д.И., Христофорова О.Б.,
составление, 2019

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2019

ISBN 978-5-7281-2546-4

Содержание

Фигуры и образы: иконография «врага»

<i>Майзульс М.Р.</i>	
Оптические иллюзии. Очки апостолов и очки сатаны	9
<i>Антонов Д.И.</i>	
Жесты демонов в русской иконографии	55

Описывая демонов: книжные и фольклорные традиции

<i>Антонов Д.И.</i>	
Мотивы и функции: древнерусская книжная демонология (к постановке проблемы)	69
<i>Суриков И.Е.</i>	
Демонология Ферекида Афинского (к вопросу о фольклорных элементах в сочинениях древнейших греческих историков)	74
<i>Башарин П.В.</i>	
Образ джиннов в мусульманской магии	106
<i>Левкиевская Е.Е.</i>	
Диалектные особенности полесских представлений о домашних мифологических персонажах	152
<i>Петров Н.В.</i>	
Маленькие демоны: колдуны и их помощники в русских мифологических рассказах	166

Взаимодействуя с божествами и духами:
правила поведения

Петрухин В.Я.

Идолы, демоны и ритуальная коммуникация
(Скандинавия и Русь) 189

Виноградова Л.Н.

Народная демонология в жанре запретов
и правил поведения: как вести себя во время грозы? 197

Дорони Д.Ю.

Мертвые в мире перемен:
от могил до «Бессмертного полка» на Алтае 223

Рассказывая о демонах: прагматика нарративов

Старостина А.Б.

Потустороннее судопроизводство на горе Тайшань
в китайской сюжетной прозе VI–X вв. 267

Кузнецова Е.А.

«Злой дух» в следственном процессе:
переславское дело о Луке Синявине 285

Попов М.А., Моррис М.-В.В.

Черная береза и чертово поле: демонология
и фольклорная топография д. Цыганово 330

Сведения об авторах 350

Н.В. Петров

Маленькие демоны:
колдуны и их помощники
в русских мифологических рассказах

Дрогнул дворовый, а ведьма ему:
«Счастью не быть, молодец, твоему.
Всё говорить?» – «Говори!» – «Ты зимою
Высечен будешь, дойдешь до запою,
Будешь небритый валяться в избе,
Чертики прыгать учнут по тебе,
Станут глумиться, тянуть в преисподню:
Ты в пузырьрек наловишь их сотню,
Станешь его затыкать...» Пантелей
Шапку в охапку – и вон из дверей
(фрагмент стихотворения
Н.А. Некрасова «Знахарка», 1860).

Образы маленьких демонов, насекомых, змей, мышей, лягушек, которые являются пьяницам в состоянии алкогольного делирия, связаны, на первый нефольклористический взгляд, исключительно с тематикой пьянства – ср. выражения «допить до чертиков», «ловить чертей» и т. п. В тоже время эти персонажи характерны и для мифологической прозы: «Так как во всякого человека, которого бьет хмелевик (страдает запоем), непременно вселяется черт, то и владеет он запойным в полную силу: являясь в человеческом виде, манит его то в лес, то в омут» [Максимов 1903: 16]. В указателе В.П. Зиновьева отмечен мотив: 'к пьянице пристают черти: устраивают разгром в доме, бьют

© Петров Н.В., 2019

Статья подготовлена в рамках работы по научному проекту РГГУ «Тексты и практики фольклора: типология, семиотика, новые методы исследований» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»).

пьяного (стаскивают одеяло, окружают, не дают пройти); корчат рожи (кривляются, пляшут, просят работы)' [Зин. В.І.12.б]¹. В некоторых записанных фольклористами текстах есть косвенные свидетельства о том, что алкоголь способствует контактам колдуна с мифологическими персонажами. Именно в состоянии опьянения колдун общается со своими помощниками:

Черти Ване помогали... он пьяный разговаривал с этими чертями. У моей сестры у мужа были биси. Он запьянствовал [Мазалова 2011б: 156-157²].

Они выпимши были: «Покажи солдатиков. И они с крыльца спускаются, сорок, все маленькие, одинаковые, в темных костюмах... [Чер. № 343].

Пьянство и черти, таким образом, оказываются связаны как в речи бытовой, так и в мифологических рассказах. Однако меня интересует не эта линия, а другая: определенный тип сюжетов несказочной прозы, в которых появляется множество небольших существ.

В статье, посвященной множественности и единичности демонов [Виноградова 2014: 341–364], этот признак закреплен за несколькими группами мифологических существ:

- 1) вездесущие и невидимые демоны, группой нападающие на человека (*шэшки, касны* и т. д.);
- 2) «сезонные» или «календарные» (русалки, вилы, шуликуны);
- 3) женские образы, олицетворяющие повальные болезни (*лихорадки*);
- 4) духи судьбы (например, *судженицы, наречницы* в южнославянской мифологии);
- 5) вредоносные персонажи, проникающие в человека (*биси, пакостящие в оставленную незакрытой воду, икоты, злая немочь*).

В этой классификации следует выделить две другие группы персонажей с признаком множественности:

- 6) персонажи, пребывающие рядом с людьми, похищающие неблагословленную пищу – пропавшие без вести, некрещенные младенцы и т. д. (*невидимые, скрытые люди*);

- 7) лесные персонажи, наказывающие человека за нарушение правил поведения (*невидимые богатыри, доброхожие*).

Меня интересуют прежде всего мотивы русской мифологической прозы, в которых реализуются еще одна вариация этих персонажей:

- 8) демонические помощники колдуна – *черти, гимназисты, маленькие, работники, солдатики, сотрудики, шутики* и т. д.

В исследовательской литературе указывается, что эта «нечистая сила, повседневно контактирующая с человеком, лишена однозначно определенных характеристик, не имеет ясного облика; общим и устойчивым остается лишь представление о ее вездесущности и множественности» ([Виноградова 2014: 355] со ссылкой на [Власова 1998: 588]).

Такое высказывание, однако, требуют существенных корректив. Являясь разновидностью «множественных демонов», помощники колдуна в различных локальных традициях³ не только имеют довольно отчетливые визуальные характеристики (внешний облик: небольшого роста человечки / дети, в красивой красной или синей одежде – юбки, колпачки, сюртучки; реже индивидуальные имена; зооморфный облик – множество мышей, зайцев, котят, собак, птиц, насекомых, реже предметов) [Криничная 2002: 19; Русинова 2011: 15–23; Петров 2013б: XIII.В.4.1, XIII.В.5, XIII.В.6], но и выделяются на общем мифологическом фоне связью с «хозяином» – колдуном, знатком и / или другим специалистом⁴ [Петров 2013а].

Оставляя сейчас в стороне интерпретации (почему именно эти демоны оказываются множественными, почему они имеют такой облик⁵, каким образом выстраиваются отношения между хозяином и *сотрудниками*) я хочу выстроить мотивную схему, в которой будут показаны большинство характеристик, связанных с этим классом персонажей. После этого уже более определенно можно говорить о происхождении отдельных мотивов.

В указателях мифологических сюжетов и мотивов такой набор мотивов обозначен как 'колдун управляет чертом' или 'черти – работники колдуна', и, в частности, реализуется в следующих вариациях:

‘колдун велит своему черту работать: поднимать камни, собирать урожай, косить сено, пасти скот’; ‘черти строят коровник, церковь’; ‘колдун кормит чертей зерном’; ‘колдун дает им работу – считать песок, иголки хвойных’; ‘черти мучат колдуна перед смертью, потому что он не дает им работу’; ‘черти мучат человека (черти у постели больного)’ [Симонсуури D 411, D 416; Jauhainen D 245, 284, 412–417, 1031–1040, Петров 2013б V.Г.1, VI.Ч.2; Зиновьев I.B.56*].

Рассказы о маленьких демонах зафиксированы на различных территориях Русского Севера (Новгородская, Архангельская, Вологодская области), в Муромской, Нижегородской и Кировской областях, в Самарской и Воронежской областях, в Пермском крае, в республике Коми (Усть-Цилемский район), Карелии, на Урале, Тамбовской и Саратовской областях, у старообрядцев Литвы, в Полесье [НДП 2010: 267] и, по всей видимости, во многих других регионах.

Нарративы о колдунах и их помощниках содержат следующие элементы⁶:

Указание на множественность чертей

Названия / наименования чертей

[Происхождение чертей]

Внешний облик

Антропоморфный облик

Зооморфный облик

Орнитоморфный облик

Инсектоморфный облик

Предметный облик

Опознание чертей

Только колдун может видеть чертей / разговаривать с чертями

Опознание чертей по необычным звукам

Локализация чертей

Получение и передача чертей

Человек обретает чертей в результате колдовской инициации в определенном месте

Колдун передает чертей

Черти вселяются в колдуна

Колдун покупает работников у черта

Колдуну выдают определенное количество бесов
Колдун «учится на чертей»

Работа для чертей

Черти требуют работы
Трудное задание / невыполнимое задание для чертей
Выполнение заданий колдуна

Кормление чертей

Кормление чертей едой, состоящей из множества частей
Кормление чертей «обычной» едой

Черти приносят вред колдуну / мучат своего хозяина / предают смерти

Черти раскидывают предметы в доме
Черти мучат обессиленного колдуна
Черти мучат колдуна перед смертью
Черти вселяются в колдуна / мучат его, если он не занимается их работой.

Детально опишем каждый элемент схемы.

Указание на множественность чертей: *команда, шеренга, отряд.*

Названия чертей: *шутики, маленькие, худенькие, мальчишки, кузутики, моргулютки, братья, солдатики, работники, сотрудники и гимназисты, коловёртыши, шишки, биси, черти, бесенята, чертенята, шуликуны, шишиги, полуденные бесы, красные шапочки*). В одном случае черти называются по именам: Гараська, Климка да Трофимка [Чер. № 345].

[Происхождение чертей]: по всей вероятности, этот элемент редко эксплицирован в текстах, записанных от русских; в текстах на границе с коми он встречается несколько чаще, нежели в других⁷. Колдуны получают маленьких демонов в результате колдовской инициации, передачи силы / зная, реже покупают – см. **Получение и передача «помощников»**.

Внешний облик чертей

Антропоморфный облик: небольшой рост, форменная одежда, красного, синего, темного цвета, колпачки или шапочки

на голове; особенности походки – скачут, а не ходят; небольшого роста человечки / дети, в одинаковой одежде, напоминающей униформу, в красных остроконечных шапочках [Чер. № 341, 343], в красивой красной или синей одежде, в пиджаке, синих сюртуках [АЛФ: Пижма], шляпах.

У всех синие короткие штанки, красные рубашечки, стоят шеренгой, как маленькие человечки, пятьдесят-семьдесят сантиметров. Они как будто скачут, а не ходят» [Чер. № 343].

...сорок, все маленькие, одинаковые, в темных костюмах [Чер. № 343].

Зооморфный, орнитоморфный, инсектоморфный предметный облик: черти могут изображаться в виде множества мышей [Чер. № 340; Русинова 2011: 15], разноцветных птиц [Русинова 2011: 15–16], зайцев, собак, кошек [Знатки № 10, 46; НП № 1089], птиц, цыплят, насекомых, червей [Шумов № 251; Мазалова 2011а: 267; АЛФ: Пижма; Петров 2013б XIII.A.2.3–XIII.A.5.2, XIII.B.3.2, XII.B.3.3], лягушек [ТКМК-1: 463], реже как лоскутки или коврижки хлеба, разноцветные стеклышки [Криничная 2002: 19].

Про одного говорили, что он чертятник. Говорят, встает ночью и выпускает во двор цыплят нарядных. Потом опять загоняет [НП № 883]; Или вот тут тётя Граша. Тоже у неё черти. Надя оставалась у неё кормить скота, ну, в подвал ходила. Там эти мышки бегают. Ночью, вот когда спят, ну, они, видать, выходят домой; Я детей колдунов спрашиваю: «Что у вас дома есть». – «Есть маленькие птички всяких цветов: голубые, красненькие, зелёные. В голбце в коробочке сидят» [Русинова 2011: 15–16].

[Соб.: Не бывает такого, что сажают внутрь паука или лягушку?] Вот говорят, дьк ведь не знаю. Кому к... ч'чем посадят. Знаюшши... Знаюшчье... Много знают, а беси и выше того знают дьк. Чертей этих <...> Дьк тут садик, вон тьк в садике-то Федосья Васильевна варила поваром. И утром-то рано варить-то прибежала, побегала в пролубь, пролубь, зимой дьк, пролубь называется. Прибежала, а там, гьрит: «Гляжу, червяков! Не видно воды! Плавают». А Ирinya-то Ивановна выбегала, дь гьрит: «Ницё не ч'черпай, не ч'черпай, я сейчас!» «Она, – гьт, – всех выч'черпула и уташила

домой <...> Дьк утром рано купать их ли воды [нрзб.], дьк вот сё ей говорили, всё ей говорили [АЛФ: Пижма, инф. НМИ, зап. в с. Замежная в 2016 г. Соб.: М. Гардер, Н. Савина].

...вот у меня дядя был, он видел. Тетка была за ним, и он был бакенщиком. Землянка, избушка на берегу, бакены зажигали на реке, и он зажигал бакены, и вот в этой избушке он жил по ночам. Утром вставал, говорит, зажигать, а лодка стоит. Он на лодке ездил. А сидит, говорит, русалка в розовом платье на этом, на корме на лодке-то. А маленькие вот эти за лодку держутся и купаются. Он, говорит, как крикнет, и они, как лягушатики, все в воду, и она нырнула в воду. И говорят, много видели. А теперь уж нет [ТКМК-1: 462].

Опознание чертей

Только колдун может видеть чертей / разговаривать с чертями

Соседи замечали, что с ней что-то неладно: разговаривала сама с собой, но на самом деле с ними. Их никто не видит, а она видит [НП № 926].

Колдун ночью разговаривает со своими помощниками: «Тише, черти!» – говорит в подполье [НП: 410].

Опознание чертей по необычным звукам: бульканье воды в ведре, необычные звуки в подполье:

Оля ходила за водой, мимо проходила Галинка Бубнова – чертятница, вода в ведре забулькала, это черти булькали [НП № 928].

Локализация чертей

Черти находятся в доме / во дворе у колдуна в тайном месте: 'колдун держит помощников в погребе / на чердаке, в коробке' [Русинова 2011: 15–16].

Получение и передача чертей

Человек обретает чертей в результате колдовской инициации в определенном месте: 'человек, пролезает через пасть чудовища, его ведут в баню, расписывается кровью, в результате получает помощников'.

Говорят, в каком-то месте назначают работников (людей недобрых), а за это нужно расписаться кровью. Сатана-то ему сказал через зубы влезть, тот влез и работников получил [НП № 897].

Бисьятые ки-ко люди были. В бане, говорят [учили], в баню уводят. Там собака огненная. Ей в хайло лезь, и с бисьями будешь [Русинова 2011: 16–17].

Вот лесовать пошли они вместе. Он его все подговаривал учиться: «В глухаря-де лезь, в пасть». Чтобы научиться бесей [Русинова 2011: 20].

Колдун передает чертей. ‘Знатьё / чертей можно передать только с согласия принимающего’, ‘обладающий называет того, кто будет хозяином чертей’, ‘чертей можно незаметно подкинуть другому’ [Петров 2013б V.Б.3.8, V.В.1.6, V.В.1.7]; ‘чертей передают по наследству’:

Ей их («маленьких») надо было сдать. Она другой женщине корову продала, а та к ней приходит потом и говорит: «Я у вас купила коровушку, а она со двора-то к вам бежит». Та достает палочку из-за трубы и дает гнать корову. Палочка така с узорами: ей нужно маленьких сдать, а маленькие-то на палочке [Чер. № 340].

Есть платки кладут на родник. Раз платок взяла, так и примешь маленьких [Чер. № 341].

...У нее тоже отец колдуном был, говорят, был – вот он ей и отдал, так что отцовые черти у ней» [НП № 929].

Дак, говорят, дети у неё черти. Значит, передали родители её чертей. Она сама говорила: «Надоели мне черти эти» [Русинова 2011: 17].

Черти вселяются в колдуна. Умирающий колдун поместил своих помощников в стакан с водой, которую передал мальчику:

...после смерти колдуна стали слышаться голоса, раздающиеся из этого мальчика: «Давай нам работы, давай нам работы!» [Никитина 1994: 182].

Колдун покупает работников у черта:

У нас в деревне был чертятник, он за деньги чертей покупает у нечистого [НП № 923].

Колдуну выдают определенное количество бесов

Им каждому выдают по тринадцать штук. Колдун их хранит. У нас был один старик, у его биси жили в корчаге, в углу она стояла. Сосед у нас раз к нему пришёл за чем-то и подошёл, поглядел через плечо... Насчитал тринадцать мышек, бесову дюжину [Русинова 2011: 20].

Колдун «учится на чертей»:

Один рассказывал мужик, что он учился на зайцей, а выучился на чертей [Русинова 2011: 20].

Работа для чертей

Черти требуют работы: ‘после смерти знатухи черти пришли искать работу’ [Петров 2013б: VI.Ч.2.2.6].

Трудное задание / невыполнимое задание для чертей: ‘колдун отправляет чертей выполнять трудное задание – разобрать зерна, собирать мак, сосчитать хвоинки на елках в лесу, осинового листья, воду перемеривать, собирать разрубленные веники’. ‘работа чертям: собирать льняное семя / крупу / зерно / овес’ [Петров 2013б: VI.Ч.2.2.1, VI.Ч.2.2.3]. ‘Колдун посылает чертей считать лес, те не могут сосчитать рябиновые деревья так как, ее листья по форме напоминают крест’ [НП: 897]. Также см. мотив, связанный с блоком **черти мучают своего хозяина / передают смерти** ‘чтобы спокойно умереть, колдун дал чертям невыполнимую работу: послал чертей заливать водой жерди, торчавшие из реки’ [Петров 2013б I.Ю.1.3].

...пеньки в лесу считать, или веревки из песка вьют. Не дать работы, они шалят. Бывало, ночью пол выбран, все раскубырят, утром все как есть [Чер. № 340].

...Век свой Петр Васильевич беспокойно прожил: с моргулютками тяжело ладить. Они знали свое дело и сильно его донимали, особенно пьяного да когда с бабенками захороводится. Они ему и спать не давали. Давай да давай им работы! В самую полночь всего сильнее донимали, будили его и приставали всячески. Посылал он их песок считать, пеньки в лесах (*самое трудное для беса: иной пенек ведь с молитвой рублен; дойдет до него бес и со*

счету собьется, опять начнет считать), воду и море перемеривать или ветряную мельницу строить (у ей ведь крылья накрест). Станут у мельницы вершину класть – у них все и разлетится [Власова 2013: 475, также см. 498–499].

Я их в лес пошлю, они ходят, хвою считают. Им надо работу давать [Чер. № 343].

Токо что не могли [черти] – осиновые листы сосчитать. Когда уже надожить [человеку, которому черти служат] им давать задание, работу; мак сеют, заставляют их выбрать – выбирают всё... Как осиновые листы – отказываются: «Мы это не сделаем». Потому, они считают, считают... а осиновые листы завсегда колышутся – и в погоду, и в ветер, в любое время. Считают, считают, а они заколышутся – сосчитать на могут. Это им самое было страшное наказание. Вот так...

... И вот надо было, верно, этой нечистой силы как можно больше давать работы, чтобы она все время была занята работой. Дак он, говорят, ей рубил вот эти наши голики, а, говорят, растюкат, растюкат, весь голик, расвищет весь в сторону пораскидат и собирайте, говорит, собирайте, пока не соберете. И они, по-видимому, пока собирают, опять соберут, опять придут, [давай] работу. А если работы не дает, дак самого колдуна-то, как приступы, как трясет, мучает [Кузнецова 1997: № 124].

Выполнение чертями заданий колдуна: помогают с домашними делами (носят дрова, пасут стадо), портить людей, пасти скот, видеть под водой, узнавать, где находится потерянное. ‘Знатки дают чертям работу’, ‘леший за пастуха пасет стадо/ черти помогают пасти стадо’, ‘работа чертям: собирать льняное семя / крупу / зерно / овес’ [Петров 2013б VI.И.1, VI.Ч.2.2]. ‘После смерти знатухи черти пришли искать работу’ [Петров 2013б VI.Ч.2.2.6]. ‘Колдун вселяет бесов в человека / животное, делает так, что черти попадают в дом к другому человеку: ‘колдун напускает чертей в дом к другому человеку в результаты соры’, ‘колдун, обучаясь, вселяет бесов в собаку, кошку’.

А одна баба была колдунья. Разругалась с другой. Пришел вечер, а у ней полна подлавка чертей [НП: 930].

Колдуны-те – которые превращаются. Бывает, в человека бисей насадят, он и разговаривает другим голосом [Русинова 2011: 16].

Посадила чертёнка в кошку. Они ещё учатся тожо кто на собаках, кто на кошках [Русинова 2011: 17].

Кормление чертей

Кормление чертей едой, состоящей из множества частей: ‘знатки разбрасывают зерно’, ‘старуха кормит своих помощников-чертей, чтобы у них всегда была работа: кидает им хлеб через левое плечо’ [Петров 2013б VI.Ч.2.1, VI.Ч.2.2.4]. С зерном и идеей множественности связан схожий мотив: ‘колдунья-телятница сеет бесов’ [НП № 924]. ‘Колдун кормит чертей пельменями’:

Налепят они много пельменей, и отец их, Трофимов, первую тарелку покладёт и в голбец несёт. А зачем их туда нести, как не чертям? [Русинова 2011: 16].

Кормление чертей «обычной» едой:

Сядет есть, а она по три ложки под стол [Чер. № 341].

Ср. текст: колдун, у которого помощники – бесы в виде маленьких солдатиков, должен был постоянно их кормить:

Их солдатиков кормить надо. Также едят, как люди [Чер. № 343].

Черти приносят вред колдуну/ мучат своего хозяина / передают смерти, если он их не *передал*, не дал им работы.

Черти раскидывают предметы в доме

У чертятников чертей много, но с ними хлопот! Им все дело подавай, да дела-то быстро делают. Снова дело требуют; ...А они все в доме перевернули вверх ногами. Это им не хватало работы, и они поработали; ...тот сидит за столом, а бесы-то сапоги с печи скидывают [НП № 925, 926, также см. № 927].

Черти мучат обессиленного колдуна: ‘черти мучают человека (черти у постели больного)’ [Зиновьев I.В.56*].

Черти мучат колдуна перед смертью: ‘если не передать слова, биси/черти мучат знатка перед смертью: заталкивают под кровать; знатка не могут положить в гроб’, ‘если не передать знатьё, черти могут сжечь дом’, ‘черти, которым знатуха не дала

работу, измучили её до смерти: снег у крыльца был весь измят', 'биси мучили колдуна перед смертью (он их не передал): вырвали ему язык и лишили глаз' [Петров 2013б V.Г.1.1, V.Г.1.2, VI.Ю.1.1.2, VI.Ю.1.2.3]. Ср. «незанятые» помощники могут замучить колдуна до смерти:

А не дашь работу, они тебя затерешут, жива не будешь [Чер. № 341].

Тут один у нас умирал, никто не берет у него сотрудников. Они метают его с крыльца, не дают они умереть, сотрудники-ти [Чер. № 343].

Черти вселяются в колдуна / мучат его, если он не занимается их работой:

А если работы не дает, дак самого колдуна-то, как приступы трясет, мучает [Чер. № 198]; А лукавы-ти его теребят: «Давай нам дело!». Вошел он в избу-то, да как грохнется у печи и кричит по-кошачьи. Это они его, черти. Он три дня кричал по-кошачьи: «Мау, мау!». Ноги-то у него свело, согнуло крючком [НП № 896].

«Знающий» – пастух, помощниками которого были черви, заболевает и утрачивает силу после их сожжения [Мазалова 2011а: 267]. Жена колдуна в его отсутствии сжигает в печи чертей, живущих в пестере, это приводит к его смерти:

Ох, они все тамака запещели! А он тамака и побежал, видно домой. Прибежал-де домой. Всё закрыто у её. А тамака задвижка была на двери. Вывернул, в дыру башку-то запихал. Больше уж нельзя ему жить-то, черти сгорели! Тамака и умер – башка в дверях, тамака и умер! [Шумов 1991: № 249].

Они ведь не умрут, так и будут мучиться, пока не передадут [НП: 929].

* * *

После того, как описаны и систематизированы основные мотивы мифологических рассказов о колдунах и их помощниках, можно более системно говорить об интерпретации образов мелких демонов и о происхождении содержательных элементов в рассказах о них.

1. В номинации мелких бесов на данном этапе можно выделить четыре принципа: прямой, когда называется демоническая сущность (*биси, черти* и др.), метонимический – называется часть внешнего облика (*красные шапочки*), метафорический – названия основаны на переносе характеристик одного объекта на другой (*солдатики, гимназисты, работники* и др.), и антропонимический, когда демоны называются конкретными именами.

В связи с метонимическим и метафорическим принципами имеет смысл говорить о табуировании названий мелких демонов: они не называются напрямую. Указание на множественность апеллирует к группе людей, находящихся в подчинении (шеренга, отряд, команда), что позволяет говорить об определенной референтной реальности, где есть звеньевая структура, основанная на подчинении младшего по званию более старшему. Довольно любопытной в этом контексте представляется система координат, в которой колдун выступает своего рода командиром, звеньевым, то есть лицом, которому подчиняются. Очевидно, что и номинации демонов, связанные с «работниками», подразумевают еще один план социальной реальности, где колдун предстает хозяином, вступающим в договорные отношения с подчиненными ему работниками. Примечательно в связи с этим наличие в текстах идеи «власти» – сначала колдуна / хозяина над чертями / работниками, а затем, когда колдун / хозяин стареет и, очевидно, слабеет, – наоборот: мелкие бесы берут вверх и властвуют над хозяином, мучат его перед смертью и после нее. Я не думаю, что представления о такой реальности, где актуальны взаимоотношения хозяина и его работников (работники находятся сначала в подчиненном положении, а как только хозяин утраивает силу, власть меняется) имеют непосредственное отношение к формированию определенных мотивов в рассматриваемых текстах, но тем не менее предполагаю, что эти социальные рамки нужно учитывать, анализируя сюжетное развитие историй о колдунах и их работниках.

В одном варианте мелкие демоны называются по именам: Гараська, Климка да Трофимка [Чер. № 345]. Такое разделение (не множество, а конкретное число) в принципе не характерно для мифологических рассказов, но находит аналогии в ярославском следственном деле 1760-х гг. Обвиняемая, вдова Катерина Иванова, показала, что получила двух демонов-помощников – Ивана и

Андрея – от крестьянской женки, давала им работу – таскать воду на кол в реке Молокше, поручения побывать в больших городах и узнать о судьбе жителей деревни [Смилянская 2003: 88–97].

2. На описание внешнего облика этих персонажей, как представляется, влияют разные факторы. Во-первых, это могли быть мифологические рассказы болезнях, вселяющихся в человека, об икоте / шеве, встречающиеся как у русских, так и у коми-пермяков. Эти болезни (точнее, агенты, их вызывающие) могут изображаться как земноводные, черви, разноцветные цыплята, разные предметы (см. [Христофорова 2013: 282–288]). Словесные изображения мелких демонов и икоты / шевы практически идентичны, когда говорится о червях, разноцветных цыплятах, мышах и т. п. Совпадают и мотивы требования работы этими персонажами: «Кроме того, шевы требуют для себя и работы. Поэтому по ночам владелец высыпает на пол пуда четыре ржи и приказывает шевам собрать ее к утру по зернышку» [Сидоров 1997: 110]. Похожи и мотивы кормления зерном. Любопытный мотив (который я не включил в основную схему, поскольку не обнаружил его в мифологических рассказах о мелких демонах) встречается у коми из Сысольского района – ‘колдун / знающая кормит шеву своим молоком’⁸:

Одну женщину из с. Визинги будто бы выследили, как она, переправившись за реку, снимала с себя в кустах шиповника одежду и здесь кормила своим молоком хранившихся в недоступном месте шев, – последние в виде червячков свободно ползали по ее телу. Другая молодуха часто спускалась в хлев. Однажды свекровь услышала, что она там что-то очень тяжело вздыхала. Потом будто бы оказалось, что молодуха разделась донага и, подпустив к своим грудям ползавших по ней червячков, кормила их собственным молоком. В следующий раз свекровь увидела корзину, в которой в пуховом гнезде шевелились шевы в виде червячков <...> [Сидоров 1997: 112].

О схожести определенных мотивов в рассказах об икотах и о мелких бесов пишет Н.Е. Мазалова: «Икоты, как черти, выступают в роли помощников колдуна и постоянно просят работы, которая заключается в причинении вреда человеку» [Мазалова 2011б: 171]. Исследовательница, считая образ червей одним из

самых архаичных для описания икоты, приводит любопытный отрывок из «Дела о кликушах XVIII в.», где описывается обряд насылания икоты:

Дьяволы через учителей давали им разных родов червей <...> с приказанием пускать их на ветер <...> и буде кто пойдет со своего двора, не помолясь Богу, и будет потом браниться матерно, то червь такому человеку попадет в рот, а потом в живот» [Мазалова 2011б: 171].

В то же время, прямо говорить не только о происхождении, но и о заимствовании этих мотивов из рассказов об икоте в нарративы про колдунов я бы не стал. В этой связи полезны полемические высказывания О.Б. Христофоровой по отношению к этой позиции Н.Е. Мазаловой и И.И. Русиновой [Христофорова 2016: 2014–2016]. Хотя О.Б. Христофорова разделяет эти два типа мифологических персонажей по отношению к верхокамским текстам, следует признать, что общая тенденция рассказчиков к сближению икоты и икотников / мелких бесов и колдунов особенно в местах контактов коми и русских прослеживается довольно отчетливо.

Во-вторых, на антропоморфный облик мелких бесов косвенно могли повлиять традиции изображения нечисти на иконах и лубочных картинках (демоны в остроконечных шапках, в красных колпачках). Об этом пишут Д.И. Антонов и М.Р. Майзульс, приводя в пример знак-маркер демонов и грешников из средневековой системы иконописи – «острые» бесовские колпаки и диалектные наименования демонов – *шишки* – то есть те, у которых волосы торчат вверх шишом [Антонов, Майзульс 2011: 125 со ссылкой на В.И. Даля].

«Военизированный» образ мелких бесов, полагаю, непосредственно связан с обликом «чужого»: черта / лешего, который может показываться мужиком в нарядной, парадной, военной одежде. Военная и гимназическая одежда бесов, впрочем, может объясняться и другим образом: однородностью и неразличимостью духов в группе, враждебностью, которая «позволяет интерпретировать их как солдатиков» [Неклюдов 2012: 92].

Возможно, образы мелких бесов (и их экспликация в нарративе) опосредованы также мотивами оборотничества колдуна,

которому демоны принадлежат (черти похожи на кошек, собак, зайцев). Довольно сомнительна позиция О.А. Черепановой, которая связывает птичий облик севернорусских бесов с образами орнитоморфных существ в финно-угорской мифологии [Черепанова 2005: 161].

Бесы опознаются через необычные звуки, раздающиеся в доме, бурление воды, шум в подполе и т. п., что связано в общими мифологическими представлениями о домашних духах, которые выдают себя различными акустическими сигналами.

3. Интересны мотивы группы 'работа для чертей', которую хозяин дает своим подчиненным. Часть ее отсылает к умениям специалиста (пасти коров – умение пастуха), а упоминание чертей в текстах подчеркивает особенное (демоническое) знание и авторитет профессионала. Кроме того, колдун дает чертям бессмысленную и нескончаемую работу, чтобы они ему не вредили: считать неисчисляемые объекты (песчинки, хвоинки, лить воду). По всей вероятности, план «работ» (пасти множество скота, считать множество листьев и проч.) обусловлен как раз идеей множественности персонажей. Допускаю, что отсюда появляются и мотивы кормления чертей⁹ зерном (вероятно, это связано и с процессом конвергенции схожих мотивов): 'работа чертям: собирать льняное семя / крупу / зерно / овес' рождает идею кормления бесов.

4. Элементы, связанные со смертью / мучениями колдуна, которого одолевают бесы, потому что он не может давать им работы, являются вариацией мотивов 'трудная смерть ведьмы и 'трудная смерть колдуна' [Зин. Г.І.17, Г.ІІ.17].

Как я показал выше, множественные демоны – помощники колдуна – оказываются не аморфной массой, не имеющей индивидуализированных характеристик и ясного облика [Виноградова 2014: 355], а занимают определенное место в ряду мифологических персонажей, облик и функции которых не сводимы к идее, впервые высказанной А.Б. Пеньковским и связанной с семантической категорией чуждости по отношению к словесному описанию демонов [Пеньковский 1989]. Идея множественности, также отмеченная Л.Н. Виноградовой, действительно, пронизывает большинство мотивов, связанных с этими персонажами: это и номинации, внешний облик, раздача работы и кормление демонов.

Представляется, что некоторые аспекты обсуждаемой проблемы станут яснее, если обратиться к исследованиям, где интерпретируется происхождение самой идеи множественности демонов. Логика, насколько я понимаю, тут наследует эволюционистской парадигме мышления: от архаических форм к современным и от простого к сложному. Множественность мелких демонов интерпретируется как производная архаических представлений о духах-помощниках шаманов и зловредных духах болезней [Дмитриева 1988: 91; Неклюдов 2012: 91–92]. Эта логика представляется не совсем продуктивной для понимания того, как функционируют анализируемые тексты: в этой связи, полагаю, гораздо более плодотворно было бы исследовать нарративные стратегии рассказчиков этих и похожих историй и рассматривать описанные мотивы в связи с категориями, имеющими отношение к социальной жизни деревни (например, «обретение / потеря власти») и т. д.

Как бы то ни было, категория множественности оказывается одной из важнейших для понимания генезиса некоторых мотивов, смысловых связей нарративов о колдунах и их маленьких помощниках с другими текстами, изображениями и смыслами, популярными в русской массовой низовой культуре XIX–XX вв.

Примечания

- ¹ Формулировки мотивов здесь и далее заключаются в марровские кавычки (“). Общая метаформулировка блока мотивов выделена полужирным шрифтом. Подчеркиванием обозначается название группы мотивов.
- ² Н.Е. Мазалова ссылается на записи из Вельского района Архангельской области, хранящиеся в архиве МАЭ РАН (Ф. 1. Оп. 2. № 1618. Л. 29).
- ³ Указание на внешний вид есть не во всех традициях, например, в нижегородском сборнике черти обезличены [НП № 923–930].
- ⁴ Колдунов и колдуний иногда называют по их помощникам: так, колдунья – *чертиха*, *бесистая*, *чертознайка*, *чертистая*, колдун – *чертистый*, *вражбой*, *чертятник*, *бесистый*, *бесовой*, *бесовный* и др. производные [Мазалова 2011а: 263; НП: 223, 224; Русинова 2011: 16–19].

- ⁵ Более подробно см. в [Неклюдов 2012; Петров 2013а; Мазалова 2013; Виноградова 2014; Христофорова 2012: 123–148; Христофорова 2013: 117–138].
- ⁶ Краткую сводку мотивов о колдунах и их работниках в разных традициях см. в комментариях к текстам в [НП: 410].
- ⁷ Благодарю за указание на это О.Б. Христофорову.
- ⁸ Благодарю О.Б. Христофорову за указание на работы, в которых встречается упоминание кормления шев молоком. Однако в описание этого мотива, встречающегося в двух текстах из работы Сидорова, стоит внести некоторые коррективы, на которые мне любезно указал в личной переписке А.В. Панюков, которую я цитируя ниже. Судя по всему, этот «мотив возникает в результате неверной интерпретации термина *нёнеды*: обиходное значение «кормить грудью», а также «кормить соской». Все имеющиеся в распоряжении А.В. Панюкова полевые материалы «фиксируют специфические варианты кормления шевы “жизненной силой” хозяйки: шевы в виде червячков присасываются к коже хозяйки / хозяина: обычно в области груди, к пушковым волосинкам – *ловгён* ‘пушковые волосы’, где *лов* ‘душа, дух; дыхание, жизнь’, *гён* ‘шерстинка, шерсть’. Кроме того, зафиксирован сюжет с мотивом ‘бородавки на теле колдуна – следы кормления шев’. Таким образом, мотив может быть описан следующим образом: ‘шевы питаются жизненной силой колдуна, присасываясь к его телу’. А.В. Панюков в личном письме от 07.10.2019 любезно предоставил и текст, в котором содержится мотив ‘бородавки на теле колдуна – следы кормления шев’: «Мыйке тай нэ вöлі висьталас. Корке пе Л.Ö. уси мяянэ. Марья. А тадзи тэлэн моз сја юрыс куш. А ставис пе эстшем чут сја. Зёр тусьяс. Ставис пе сја шеваидлэн, нёнялэни быдлаэд нін. Ставыс пе бытьтен зёр тусь, шеваилэн сја нёньясис. Юрас пе, юрас. Код юрас корке усьлэма да. Сіе нёнялэни, асьсэ сёени. (Соб.: А сја мый сја мужикыс сја тоже шева мам али мый?) – А шева дерт. Сја Варукыдлэ пийис вöлі. [ФФ ИЯЛИ. В1106-40. Инф. Макарова М.С., 1911 г.р., с. Вылиб, урожд. с. Богородск Кортскеросского р-на РК, соб. Панюков А.В., 1995]. Перевод: *Вот одна женщина рассказывала. Как-то, мол, Л.А. у нас заснул. Марья рассказывала. А у него, вот как у тебя, голова лысая. И вся покрыта такими маленькими точечками. Бородавками. Это, мол, все от шевы, обсасывали его везде. Вся голова в этих бородавках, это у шевы*

соски. На голове. Он напился пьяным и упал, уснул у них. Это его сосут шевы, его самого. (Соб.: А что, этот мужчина тоже «мать шевы» или что?) – Шева, конечно. Это сын у Варук). Л.Ö. – Ларö Öлексан – Александр Илларионович, сын известной в Большелуге колдуньи *шева сетальсь* 'насаживающей шев' Ларö Варук (еще более известна была его бабушка Ларö Марья); в селе имел прозвище Шева Öлексан, но большинство жителей считали его безвредным».

- ⁹ С.Ю. Неклюдов, приводя множество параллелей из других традиций, говорит о мотиве кормления бесов как об архаическом элементе, связанном с регулярным кормлением духов [Неклюдов 2012: 94].

Сокращения

АЛФ – Архив лаборатории фольклористики РГГУ.

Литература

- Антонов, Майзульс 2011 – Антонов Д.И., Майзульс М.Р. Демоны и грешники в древнерусской иконографии: Семиотика образа. М., 2011.
- Виноградова 2000 – Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. М., 2000.
- Виноградова 2014 – Виноградова Л.Н. Опозиция единичный / множественный как один из идентифицирующих признаков мифологических персонажей // In Umbra: Демонология как семиотическая система. Вып. 3 / Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. М., 2014.
- Власова 1998 – Власова М.Н. Русские суеверия. Энциклопедический словарь. СПб., 1998.
- Власова 2013 – Мифологические рассказы русских крестьян XIX – XX вв. / Сост., подгот. текстов, вст. статья, коммент. М.Н. Власовой. СПб., 2013.
- Дмитриева 1988 – Дмитриева С.И. Фольклор и народное искусство русских европейского Севера. М., 1988.
- Зин. – Зиновьев В.П. Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/zinoviev2.htm#11>.
- Зиновьев – Зиновьев В.П. Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин (публикация Н.Л. Новиковой, Г.Н. Зиновьевой). URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/zinoviev1.htm>.

- Знатки – Знатки, колдуны, чернокнижники: Колдовство и бытовая магия на Русском Севере. М., 2013.
- Криничная 2002 – *Криничная Н.А.* Посвящение в колдуны: историко-этнографическая основа русских мифологических рассказов о передаче-усвоении эзотерических знаний // Этнографическое обозрение. 2002. № 2.
- Кузнецова 1997 – Памятники русского фольклора Водлозерья: Предания и былички / Сост. В.П. Кузнецова. Петрозаводск, 1997.
- Мазалова 2011а – *Мазалова Н.Е.* Русский колдун и его помощники // Штернберг: К 150-летию со дня рождения. СПб., 2011.
- Мазалова 2011б – *Мазалова Н.Е.* Этнографические аспекты изучения личности «знающего» (XIX – начало XXI в.). СПб., 2011.
- Мазалова 2013 – *Мазалова Н.Е.* Русский колдун: герой, злодей // Труды Карельского научного центра РАН. 2013. № 4.
- Максимов 1903 – *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.
- НДП – Народная демонология Полесья: Публикация текстов в записях 80–90-х гг. XX в. В 4 т. / Сост., введение и науч. комм. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. Т. 1. Люди со сверхъестественными свойствами. М., 2010.
- Неклюдов 2012 – *Неклюдов С.Ю.* Какого роста демоны? // In Umbra: Демонология как семиотическая система. Вып. 1 / Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. М., 2012.
- Никитина 1994 – *Никитина Н.А.* К вопросу о русских колдунах // Русское колдовство, ведовство, знахарство. СПб., 1994.
- НП – Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / Сост. К.Е. Корепова, Н.Б. Храмова, Ю.М. Шеваренкова. СПб., 2007.
- Пеньковский 1989 – *Пеньковский А.Б.* О семантической категории «чуждость» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. М., 1989.
- Петров 2013а – *Петров Н.В.* «Выглядят, как котятки»: механизмы визуализации мелких демонов (Visualization mechanisms of petty demons in Russian mythological tales) / Визуальное и вербальное в народной культуре: тезисы и материалы Международной школы-конференции – 2013 / Сост. А.С. Архипова, С.Ю. Неклюдов, Д.С. Николаев. М., 2013.
- Петров 2013б – *Петров Н.В.* Указатель мотивов к публикуемым мифологическим текстам // Знатки, ведуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере. М.: Форум-Неолит, 2013.

- Русинова 2011 – *Русинова И.И.* Вербализация представлений о связи колдуна с нечистой силой (на материале лексики пермских говоров и мифологических рассказов Пермского края) // Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 2.
- Сидоров 1997 – *Сидоров А.С.* Знахарство, колдовство и порча у народа коми: Материалы по психологии колдовства. СПб., 1997
- Симонсуури – *Симонсуури Л.* Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов / Пер. с нем. и предисл. Н.А. Прушинской. Петрозаводск, 1991. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/simonsuuri/>
- Смилянская 2003 – *Смилянская Е.Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и духовные преступления в России XVIII в. М., 2003.
- ТКМК-1 – Традиционная культура Муромского края. Экспедиционные, архивные, аналитические материалы. Т. 1. М., 2008.
- ФСЛ-2 – Фольклор старообрядцев Литвы. Том 2. Народная мифология. Поверья. Бытовая магия. Издание подготовил Ю. Новиков. Вильнюс, 2009.
- Христофорова 2012 – *Христофорова О.Б.* Как выглядит икота? // In Umbra: Демонология как семиотическая система. Альманах. Вып. 1 / Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. М., 2012.
- Христофорова 2013 – *Христофорова О.Б.* Икота: мифологический персонаж в локальной традиции. М., 2013.
- Христофорова 2016 – *Христофорова О.Б.* Одержимость в русской деревне. М., 2016.
- Чер. – Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. О.А. Черепанова. СПб., 1996.
- Черепанова 2005 – *Черепанова О.А.* Мифологические функции птиц в русских быличках и других материалах // Черепанова О.А. Культурная память в древнем и новом слове: Исследования и очерки. СПб., 2005.
- Шумов 1991 – Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / Сост. К. Шумов. Пермь, 1991.
- Jauhiainen – *Jauhiainen M.* The Type and Motif Index of Finnish Belief Legends and Memorates. Revised and enlarged edition of Lauri Simonsuuri's Typen- und Motivverzeichnis der finnischen mythischen Sagen (FF Communications No. 182). FF Communications No. 267. Helsinki: uomalainen Tiedeakatemia (Academia Scientiarum Fennica), 1998.